

«ЗАЗЕРКАЛЬЕ» ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, профессор. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. Главный научный сотрудник. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 117861, г. Москва, ул. Обручева, 30а; e-mail: cap-cap@inbox.ru

Теория социальных эстафет М.А. Розова является результатом обобщения массива эмпирического материала, опирается на солидную базу фактов истории науки. Центральным понятием данной теории является понятие «эстафета», которое использует в своей известной работе «Слово и объект» Куайн, объясняя связь слова и денотата. Перечислены и другие авторы, которые аналогичным образом пытались объяснить способ бытия семиотических объектов. Утверждается, что в постановке ключевых задач и основных чертах теория социальных эстафет близка к акторно-сетевой теории Бруно Латура.

Ключевые слова: теория социальных эстафет, способ бытия семиотических объектов, акторно-сетевая теория, эпистемология, история науки

“WONDERLAND” OF THEORETICAL EPISTEMOLOGY

Natalia Kuznetsova – DSc in philosophy, professor. Russian State University for Humanities. 6 Miusskaya sq., GSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation. Head research fellow. S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences. 30a Obrucheva Str., Moscow, 117861, Russian Federation; e-mail: cap-cap@inbox.ru

Author argues that the social relay theory by Mikhail Rozov is the result of the deep analysis of the number of empirical facts and of the facts from the history of science. “Relay” is the core notion of this theory that was used by Quine for the clarification of the connection between the word and denotatum in the “Word and Object”. The author enumerates the other philosophers who have explained this connection the same way. It’s claimed that the theory of social relay is close to Bruno Latour’s actor-network theory in the problem definition.

Keywords: social relay theory, mode of existence of the semiotic objects, actor-network theory, epistemology, history of science

Публикуемый текст «Что такое теория социальных эстафет» М.А. Розова находился в папке «Начатые работы» и датируется 2002 г. Безусловно, то была попытка набросать книгу, специально посвященную теории, на разработку которой он потратил, вероятно, более тридцати лет. Однако специальной книги по ТСЭ (как ему хотелось, достаточно компактной, небольшой по объему) так и не получилось. Разнообразные проблемы эпистемологии, подготовка в конечном итоге большой монографии «Научное познание (основы теории и истории науки)» – по замыслу примерно 50–60 а.л. – занимали все творческое время Михаила Александровича, отнимали все силы. Увы, этот мощный проект также не был реализован, остались только фрагменты отдельных тем и анализ множества историко-научных фактов.

Архив Розова, вообще говоря, огромен: 40 томиков дневников (с 1974-го по 2010 г.), написанных еще от руки, довольно мелким почерком, куда записывались знаковые события: важные для его мышления разговоры, довольно забавные эпизоды «житейской социальности», а также плодотворные (или, напротив, ошибочные) ходы собственной теоретической мысли. По приблизительным оценкам, объем каждого томика – около 15 а. л. Кроме того, имеются рабочие тетради и записные книжки, а также – уже в компьютере (со второй половины 1990-х гг.) – конспекты лекций, наброски будущих монографий и статей. Он часто говорил своим друзьям и ученикам: «Я люблю не писать, а думать». Так оно и было. Поэтому столь многое осталось нереализованным, не опубликованным. Это нелюбовь к написанному тексту Михаил Александрович иронически выразил в своей (к счастью, опубликованной!) книге: «И я, вероятно, долго еще не писал бы эту книгу, ибо думать и искать гораздо интересней, чем писать и подводить итоги. Окончательным толчком послужила басня Козьмы Прутковка:

Однажды нес пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.
Читатель! он тебе не попался?

Я вдруг понял, что басня эта про меня и что нельзя нести свое “молоко” до бесконечности. И читатель меня так и не встретит, да и молоко прокиснет» [Розов, 2008, с. 342].

Именно теория социальных эстафет теперь прочно связана с именем М.А. Розова, она явилась его наибольшим теоретическим вкладом в развитие современной эпистемологии и философии науки. Публикуемый текст очень лапидарен, однако, как представляется, он хорошо отражает и основные мотивы, и амбиции автора ТСЭ.

Если кратко проследить узловые пункты этой архивной публикации, то следует отметить следующее: основная проблема в анализе знания возникает и осознается как проблема семиотическая, а имен-

но – как поиск ответа на вопрос, каков способ бытия содержания текста (слова, статьи, романа...)? Это стартовый пункт. Если понимание текста само по себе представляет загадку, то, вслед за автором, можно попытаться выразить ее суть в метафоре «ззеркалья». Знаниевые тексты предъявляют нам мир (как природный, так и социальный), поэтому их можно сравнить с «зеркалом». Исследовательский вопрос состоит в том, чтобы проанализировать механизм этого «зеркального отображения», следовательно, эпистемолог должен отправиться в «ззеркалье» и установить социальные механизмы, позволяющие открыть «устройство зеркала». Сами «отображения», какими бы волнующими они ни были, теперь нас не интересуют. Метафора, казалось бы, простая, но далеко ведущая – тут, действительно, вспоминается Алиса Льюиса Кэрролла, ее удивительное и опасное (для здравого смысла) путешествие.

Заметим по ходу: работы Розова трудны для восприятия (как ни горько было автору, но широкого обсуждения его идей никогда не получалось!) не потому, что написаны замысловато и непрозрачно, но потому, что требовалось расстаться с привычными, со студенческих лет усвоенными гносеологическими представлениями, последовать какой-то непонятной, необычной рациональности. Когда-то давно один из коллег сказал в откровенном разговоре: «Если ты прав, Миша, то всем нам, гносеологам, надо переучиваться... а это нереально!» И этот диагноз был абсолютно справедлив.

Второй ключевой пункт ТСЭ – понятие социальной памяти. Знание – феномен надличностного мира. Так называемого субъективного (индивидуального) знания в картине Розова просто нет, и это роднит его мысль с идеями «третьего мира» Карла Поппера. При этом Михаил Александрович ясно объясняет, что социальные «свойства» (идет ли речь о смысле знака или текста, роли президента или ректора, или о таком феномене, как социальный институт, будь то университет или парламент и т. п.) всегда неатрибутивны в том плане, что свойства эти «записаны» не в материале исследуемого феномена, а в общей социальной памяти. Действительно, никакой анализ *материала* знака или социальной роли не может открыть тайну их функционирования. Если свойство сахара «быть растворимым в воде» атрибутивно и объясняется атомно-молекулярным строением сахара, то свойство ректора «управлять университетом» никак не может определяться особенностями человеческого материала, на котором реализуется данная роль (или функция). Иначе говоря, социальные свойства – неатрибутивны. И это, конечно, всем нам хорошо знакомо, но рассуждать подобным образом, делать далеко идущие выводы из столь обычных фактов – непривычно. Любопытно, каким схожим образом пытается выразить специфику социальных свойств такой авторитетный философ, как Ром Харре: «Социальный мир представляет собой некий эфемерный

атрибут потока символических интеракций между активными людьми, сведущими в условиях определенной культурной среды» [Харре, 2006, с. 119]. «Эфемерный атрибут» – ведь это неатрибутивность.

Очень принципиален тезис о том, что базовый механизм социальной памяти – непосредственное воспроизведение образца поведения или деятельности. Здесь очевидна переключка с идеей «неявного знания» (tacit knowledge) Майкла Полани. Впрочем, Полани не претендовал на столь глобальное обобщение, как социальная память в целом. Речь шла исключительно о понимании знания, его экстралингвистических компонентах. Он писал: «Стать знатоком, так же как и стать умельцем, можно лишь в результате следования примеру в непосредственном личном контакте; здесь не помогут никакие инструкции» [Полани, 1985, с. 88–89]. И это положение полностью соответствовало исходным представлениям ТСЭ, которая утверждает, что в основе сложно организованных действий, включая научное познание, всегда лежит воспроизведение непосредственно предъявляемых образцов деятельности.

Такие переключки, иногда буквальные совпадения идей и подходов к пониманию природы социального, и семиотических объектов в частности, толкали Михаила Александровича к попыткам написать статью-обзор «Все дороги ведут в Рим», и небольшой раздел с таким говорящим заголовком имеет место в его опубликованной книге [Розов, 2008, с. 57–75]. Наброски подобного обзора, сохранившиеся в архиве, гораздо более обширны и детальны.

Непосредственное воспроизведение образца (подражание) – это предельно элементарный «ген», на котором покоятся все остальные, куда более сложные формы, в том числе вербализация образца и письменный текст. И, что крайне важно, с самого начала придется постулировать, что повторить дважды один и тот же образец не удастся: изменится и материал действия, и копировать придется не исходник, а тот образец, который непосредственно предшествовал совершаемому действию. «Одну и ту же картошку не очистишь дважды», – постоянно говорилось на домашних семинарах Розова. В этом плане подражание – динамический процесс, а потому появляется понятие «эстафеты» как выражающее суть дела. И это уже не просто метафора, как может показаться на первый взгляд.

Опять «все дороги ведут в Рим»: термин «эстафета» (relay) встречается в знаменитой работе Куайна «Слово и объект». Подчеркнем, что термин этот Розов ввел совершенно самостоятельно, однако был сильно воодушевлен, встретив его в размышлениях американского философа. Куайн неоднократно говорит об эстафетном механизме (relay mechanism) словоупотребления. Приведем достаточно пространное его рассуждение, чтобы подчеркнуть удивительное совпадение, переключку ходов мысли. Обсуждая, в частности, вопрос о

том, какими связями «удерживает» слово свой денотат, Куайн писал: «Преимущество норм заключается еще и в том, что благодаря им становится возможной бесконечно продолжаемая эстафета (*indefinitely prolonged relay*). Сообщение может передаваться из уст в уста через лингвистическое сообщество и через поколения, с тем лишь условием, что каждая передача не будет неузнаваемо искажать звуки по сравнению с существующими в это время неточностями. Каждый человек исправляет неточности своего предшественника, прежде чем заменить их своими собственными неточностями, и ошибки, таким образом, не накапливаются <...> Словесная эстафета без письменной поддержки между передачами должна опираться только на память. Тут снова действуют нормы: сообщение, если оно вообще запоминается дословно, запомнится в соответствии с какими-то фонетическими нормами; другие детали если и запоминаются, то факультативно. Память фактически является эстафетой, в которой передача происходит от себя к себе. Письменные записи уменьшают нашу зависимость от эстафеты, позволяя, в свою очередь, осуществить дальнейшую передачу: текст может неоднократно копироваться и всякий раз омолаживаться, поскольку существуют нормы записи, в соответствии с которыми его следует исправлять» [Quine, 1964, с. 88]. Действительно, совпадение впечатляющее. Отмечено и то обстоятельство, на которое не раз указывал Розов: непосредственное воспроизведение образца деятельности (в том числе – словоупотребления) со временем трансформируется в связи с возможностями опираться на письменность. Это существенный шаг в усложняющейся жизни социальных эстафет.

Образ эстафеты (*relay*) динамичен – это первое достоинство; второе преимущество – указание на уже известный естествознанию объект, свойства которого неатрибутивны, т.е. не записаны в материале. Таким объектом является волна, причем очевидно, что локализовать волну для того, чтобы изучить ее строение, просто невозможно, при попытке локализации она перестает существовать. Но не подобным ли образом обречены на неудачу попытки установить строение единичного слова с целью фиксации его смысла и значения?.. Волновая аналогия не раз встречалась в социо-гуманитарных науках. Попытку создать «волновую социологию» представил еще в конце XIX в. Габриэль Тард [Тард, 1892]. Известный отечественный литературовед Б.И. Ярхо писал: «Открытие “закона волн” в литературе было бы венцом точного литературоведения» [Ярхо, 1969, с. 526].

Отметим еще одно достоинство эстафетной онтологии. Один из постулатов ТСЭ гласит: «Образец не задает поля реализаций». Несмотря на соблюдение социальных норм, деятельность все время изменяется, подвержена совершенно спонтанным мутациям, т.к. меняется материал действия (его, как уже указывалось, просто нельзя сохранить), исходный образец приходится применять в изменившихся

условиях, а со временем появляется возможность при решении сложных задач «монтировать» разнообразные образцы. Сборку образцов со временем начинают культивировать, и сознательный социо-культурный монтаж становится одним из неперенных условий быстрого общественного прогресса во всех аспектах жизнедеятельности.

Вообще говоря, здесь затрагивается *проблема контингентности*, которую неоднократно и весьма бурно обсуждали в западной философии науки в 1990-е гг. и позднее. Суть проблемы в том, чтобы объяснить, каким образом социум, который определен традициями и нормами, *обречен* постоянно производить новации. Где, как говорится, *коренятся* новации социальной жизни, культуры и науки? Ведь привычная категоризация «возможного» как потенции и «действительности» как реализации потенциального здесь не работают. Мы не можем всерьез утверждать, что будущая теория «предсуществует» в исходной теории – например, гелиоцентрическая система мира есть потенция геоцентрической концепции, хотя одна теория и сменила другую, а феодальная формация потенциально содержалась в рабовладельческой, хотя очевидно, что одна система социальных отношений сменила другую. Недаром же говорят, что истории всегда *случаются*, и *окказионализм* – почти необходимая компонента исторического подхода. В таких общих терминах обсуждают до сих пор проблему истории как «открытого потока» в дискуссиях, связанных с акторно-сетевой теорией Бруно Латура и его сторонников. Теория социальных эстафет, как можно видеть в публикуемом тексте Розова, также утверждает: «все мы постоянно играем определенные роли, и не одну, а много, но не существует “пьесы” развития Истории».

Впрочем, тщательный сопоставительный анализ АСТ Латура и ТСЭ Розова еще только предстоит провести. Очевидно, однако, что многие и многие мотивы обобщения АСТ также удивительным образом совпадают с мотивами создателя ТСЭ. Увидеть параллели можно в подчеркнута дескриптивной (а не нормативной) установке авторов «Лабораторной жизни» [Latour, Woolgar, 1986], в понятии «актантов», куда входят люди (актеры) и «нечеловеки» (вещи, приборы, реагенты и т. п.), и в принципиальном утверждении «сетевой» природы любого научного результата [Латур, 2013]. В теории социальных эстафет можно видеть соответственно: 1) принцип «надрефлексивной позиции», которая позволит *изучать* процессы, происходящие в научной лаборатории (да и в любых других случаях научной практики), а не нормировать их; 2) идею «объектного поля» реализации научной деятельности, которая, бесспорно, включает «нечеловеков» в условия осуществления той или иной поставленной «актером» цели; 3) демонстрацию эстафетных структур, которые, как и волны, просто не помещаются в фиксацию отдельно взятого научного результата. Заметим также, что и проблема «способа бытия семиотических объектов»

(такая формулировка присуща ТСЭ) фактически всплыла для Латура в последние годы в виде вопроса о «модусах существования» феноменов реальности [Latour, 2013]. Кстати, некоторую нединамичность образа «сети», характерную для АСТ, подвергли критике, и автору пришлось в последние годы существенно поработать, чтобы компенсировать столь очевидный недостаток базового понятия.

Один из самых важных вопросов для ТСЭ – каким образом, анализируя «зазеркалье» (мир социальных эстафет), можно объяснить получение «зеркального отражения», т. е. каким образом из человеческой деятельности строится мир объектный? Иными словами, как из практики действий вывести рассказ о деяниях самой природы? Почему научное знание утверждает, скажем, что поваренная соль (NaCl) состоит из Na и Cl, а не просто фиксирует лабораторную практику получения NaCl? Для Розова это – загадка онтологизации. В своей книге он посвящает немалое место именно этой теме [Розов, 2008, с. 244–250].

Михаил Александрович, что всегда восхищало его учеников и коллег, по-настоящему глубоко знал историю науки, опирался на самый разнообразный историко-научный материал, умел его анализировать самым нетривиальным образом. Он писал в своих автобиографических заметках, какое сильное впечатление на него всегда производил образ великого труженика науки Чарлза Дарвина [Розов, 2015, с. 536–569]. Еще в студенческие годы Розов совершил собственное эпистемологическое путешествие на корабле «Бигль», собирая в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина сведения о различных научных дисциплинах, анализируя разнообразные траектории научных открытий (напомню, что одна из ярких его публикаций в журнале «Вопросы философии» так и называлась «Пути научных открытий (к критике историко-научной концепции Т. Куна)» [Розов, 1981, с. 138–147]). Все это стилистически очень напоминает мощные очерки Латура о том, сколько сложны и неоднородны «сети», в рамках которых формируются, фиксируются, приобретают общественное признание научные результаты [Латур, 2013; Латур, 2014; Латур, 2015].

* * *

В научном сообществе принято образно говорить, что теория происхождения видов Дарвина покоится на Монблане фактов. Аналогично тому, теория социальных эстафет опирается на грандиозный Монблан историко-научных фактов и обобщает колоссальный эмпирический материал. В архиве Михаила Александровича, в папке, где собирались подготовительные материалы для будущих книг, имеется список так называемых «камушков» или «болтливых фактов» (Розов очень любил этот слоган, принадлежащий отечественному генетику

Владимиру Яковлевичу Александрову). В этом списке ни много ни мало 368 пунктов, и «болтливые факты» истории науки относятся как к естествознанию, математике, так и к социо-гуманитарным дисциплинам, включая семиотику, паремиологию и литературоведение.

Можно только искренне порадоваться тому, что, благодаря рубрике «Архив», станет возможным знакомиться со «строительными лесами» отечественных эпистемологических концепций. Как представляется, нашему эпистемологическому сообществу необходимо более внимательно относиться к поискам и находкам собственных исследователей, не пытаясь принципиальные новации усматривать исключительно в западной литературе, оценивая все остальное как «отсебятину». Это приводит только к тому, что мы и западные результаты усваиваем с большим напряжением. М.А. Розов, как мне кажется, весьма удачно высказался по этому поводу: «Переводы, рефераты и анализ чужих точек зрения еще не порождают сами по себе механизмы собственного творческого поиска, и этот механизм очень трудно, если вообще возможно, заимствовать из чужих рук, из мозаичной картины чужих результатов. Мы не знаем той “кухни”, где все это создавалось, нас пускают только за праздничный стол, где хрусталь бокалов, белизна салфеток и искусный дизайн блюд полностью вытесняют кухонный чад. И если так будет продолжаться, то не будет у нас никогда собственной “кухни”» [Розов, 2012, с. 252].

Список литературы

- Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
- Латур, 2015 – *Латур Б.* Пастер: война и мир микробов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
- Латур, 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издат. дом «Высш. шк. экономики», 2014. 384 с.
- Полани, 1985 – *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. 344 с.
- Розов, 2015 – *Розов М.А.* Гносеология культуры. М.: Новый хронограф, 2015. 576 с.
- Розов, 1981 – *Розов М.А.* Пути научных открытий (к критике историко-научной концепции Т. Куна) // *Вопр. философии.* 1981. № 8. С. 138–147.
- Розов, 2008 – *Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.
- Розов, 2012 – *Розов М.А.* Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. 440 с.
- Тард, 1892 – *Тард Г.* Законы подражания. СПб.: Ф. Павленков, 1892. 370 с.
- Харре, 2006 – *Харре Р.* Материальные объекты в социальных мирах // *Социология вещей.* М.: Издат. дом «Территория будущего», 2006. С. 118–133.

Ярхо, 1969 – Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения (наброски плана) // Тр. по знаковым системам. Вып. 4. Тарту: Изд-во Тартус. Ун-та, 1969. С. 515–526.

Latour, 2013 – *Latour B. An Inquiry into Modes of Existence*. Cambridge (Mas): Harvard University Press, 2013. 520 p.

Latour, Woolgar 1986 – *Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton University Press, 1986. 294 p.

Ouine, 1964 – *Quine W.V.O. Word and Object*. Cambridge: MIT Press, 1964. 294 p.

References

Harré R. “Material’nye ob’ekty v sotsial’nykh mirakh” [Material objects in the social worlds], in: *V. Vakhshstein (ed.). Sociology of things*. Moscow: Izdatel’skii dom “Territoriya budushchego”, 2006, pp. 118–133. (In Russian)

Latour B. *An Inquiry into Modes of Existence*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2013. 520 p.

Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, Princeton University Press, 1986. 294 p.

Latour B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action. How to Follow Scientists and Engineers through society]. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2013. 414 p. (In Russian)

Latour B. *Paster: voina i mir mikrobov* [War and Peace of the Microbes]. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 316 p. (In Russian)

Latour B. *Peresborka sotsial’nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 384 p. (In Russian)

Polanyi M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Moscow: Progress, 1985. 344 p. (In Russian)

Rozov M. *Gnoseologiya kul’tury*. Moscow: Novyi khronograf, 2015. 576 p. (In Russian)

Rozov M. *Filosofiya nauki v novom videnii* [Philosophy of science from the new prospect]. Moscow: Novyi khronograf, 2012. 440 pp. (In Russian)

Rozov M. *Teoriya sotsial’nykh estafet i problemy epistemologii* [Social relay theories and the problems of epistemology]. Moscow: Novyi khronograf, 2008. 352 pp. (In Russian)

Rozov M. “Puti nauchnykh otkrytii (k kritike istoriko-nauchnoi kontseptsii T. Kuna)” [The ways of scientific discoveries (On the historic-scientific theory by T. Kuhn)], in: *Voprosy filosofii*, 1981, no. 8, pp. 138–147. (In Russian)

Tarde G. *Zakony podrazhaniya* [Les lois de l’imitation]. Saint Petersburg: F. Pavlenkov, 1892. 370 pp. (In Russian)

Yarkho B. “Metodologiya tochnogo literaturovedeniya (nabroski plana)” [Methodology of the precise literature studies (sketches)], in: *Trudy po znakovym sistemam* (Works on symbolic systems), vol. 4. Tartu: Izdatel’stvo Tartusskogo universiteta, 1969, pp. 515–526. (In Russian)